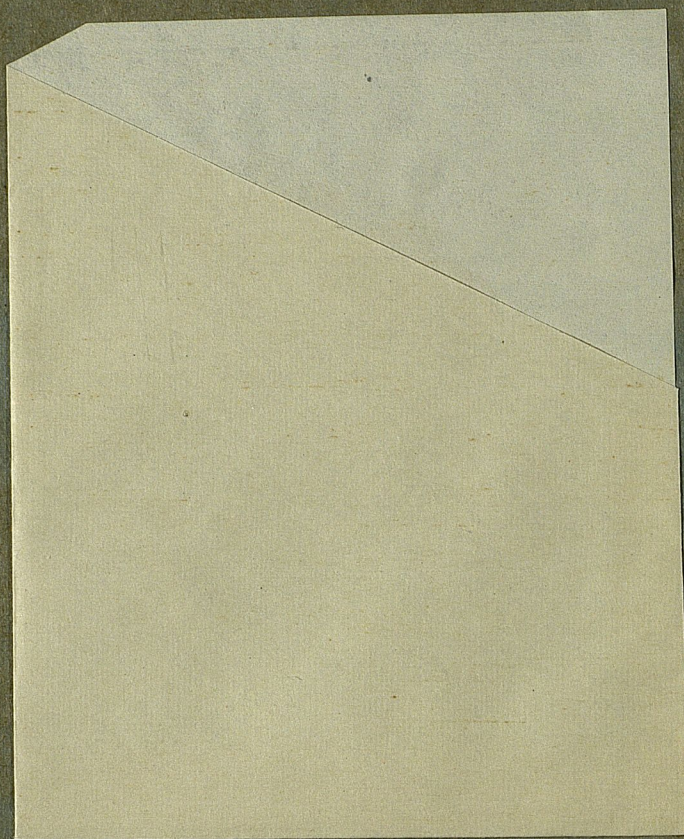

A

$\frac{283}{70}$

И. А. Любичъ-Кошуровъ.

20

А 283
70
„Чародѣй“.

РАЗСКАЗЪ.

Съ рисунками

П. Е. Литвиненко.

ИЗДАНИЕ И. П. ГАЙГАРОВА.

МОСКВА.

Цѣна 30 коп.

І. А. ЛЮБИЧЪ-КОШУРОВЪ.

„ЧАРОДѢЙ“.

РАЗСКАЗЪ

СЪ РИСУНКАМИ

П. Е. Литвиненко.

ИЗДАНИЕ И. П. ГАЙГАРОВА.

МОСКВА.

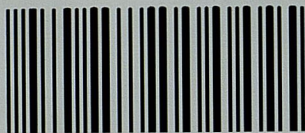
Цѣна 30 коп.

Дозволено цензурою. Москва, 18 декабря 1904 года.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.

Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

2007088892

„Чародѣй“.

„Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ“...

ГЛАВА I.

— Осипъ, а это что у васъ такое? школа?

Осипъ отвернулъ чуть-чуть воротникъ своей свиты, посмотрѣлъ передъ собою и сейчасъ же опять поднялъ края воротника почти до самыхъ бровей, какъ онъ у него былъ раньше.

Потомъ онъ засунуль руки въ рукава своей свиты и отвѣтилъ:

— Школа.

Передъ нимъ, когда онъ выглянулъ изъ воротника, мелькнула сначала старая толстая ракета, потомъ, между двумя сугробами, „пунька“, покосившаяся на сторону, съ низенькой дверью.

Но Осипъ хорошо зналъ мѣстность, и сейчасъ же опредѣлилъ по этой пунькѣ и ракетѣ, что находится позади его на той сторонѣ улицы.

— А рядомъ, — добавилъ онъ немного глухо и невнятно потому, что еще плотнѣй закутался въ свою свиту, — это бондарева хата.

Тутъ Осипъ вспомнилъ, что противъ бондаревой хаты еще съ начала зимы образовался большой ухабъ, и, привалившись плечомъ къ передку саней, крикнулъ такъ же глухо:

— А тутъ держитесь: ухабъ.

Сани скользнули внизъ, подпрыгнули, стукнулись обо что-то, потомъ закатились на сто-

рону, опять стукнулись, подвинулись немного впередъ, еще раскатились, еще стукнулись.

Осипъ слышалъ, какъ лошадь трепнула хвостомъ по оглоблямъ и фыркнула.

Потомъ сани побѣжали ровно по накатанной дорогѣ.

— Проѣхали, — сказалъ Осипъ, затѣмъ повторилъ и уже въ видѣ вопроса:

— Проѣхали?

— Проѣхали, — отвѣтилъ Осиповъ сѣдокъ, поправляя на своихъ плечахъ клѣтчатый платокъ, служившій ему вмѣсто пледа.

Чтобы не вывалиться на ухабѣ изъ саней, онъ схватился руками за грядки саней. Платокъ соскользнулъ у него съ плечъ, и теперь ему никакъ не удавалось завернуться въ него какъ хотѣлось: пальцы у него зазябли на морозѣ и повиновались плохо; платокъ все сваливался съ одного плеча; съ боку дулъ вѣтеръ и раздувалъ платокъ и еще больше знобилъ пальцы.

Сѣдокъ, наконецъ, забралъ края платка

подъ подбородкомъ въ одну руку, а другую сунуль за борть пальто.

Теперь платокъ, отдуваемый вѣтромъ, не грѣлъ больше.

Но ему хотѣлось хоть погрѣть руку.

Но вѣтеръ, охватывая ему холодомъ бока, плечи и спину, забирался и въ подбородокъ и щипалъ морозомъ руку.

Отъ быстрой ѣзды навстрѣчу тоже несся холодъ прямо въ лицо, и отъ холода у него ломило надъ бровями и переносица.

Онъ повернулся спиной къ вѣтру и окликнулъ Осипа, уже не поворачиваясь къ нему, а смотря прямо передъ собою на бѣгущіе мимо вдоль дороги полузанесенные сугробами плетни, накоренившіеся въ зависимости отъ того, гдѣ больше нанесло снѣга: съ улицы или съ огородовъ — въ сторону улицы, или въ сторону огородовъ, на сарайчики и хаты, тоже забившіеся точно отъ холода и вѣтра въ сугробы и выглядывавшіе оттуда на дорогу маленькими темными окошками.

— Осипъ! Эй, Осипъ!

Осипъ высунулъ носъ изъ воротника свиты, повелъ однимъ глазомъ въ его сторону, стараясь для тепла дышать себѣ въ воротникъ:

— Чего вы?

— Такъ твоя хата на самомъ концѣ улицы?

— Эге, — отвѣтилъ Осипъ, кивнулъ головой и закрылся опять воротникомъ.

— А хаты чайной у васъ нѣту?

Нѣкоторое время Осипъ молчалъ, очевидно, не сразу сообразивъ, о чемъ у него спрашиваютъ, потомъ, какъ будто все еще сомнѣваясь, хорошо ли онъ понялъ сѣдока, отвѣтилъ:

— Нѣту.

И сейчасъ же спросилъ:

— Это, какъ въ городѣ?

— Да, — сказалъ сѣдокъ.

Онъ все не поворачивался къ Осипу и все смотрѣлъ прямо передъ собою, словно застывъ въ томъ положеніи, какое принялъ, словно онъ примерзъ къ снопу соломы, на которомъ сидѣлъ.

Вѣтеръ трепалъ края его платка, ерошилъ сзади волосы, но онъ уже не дѣлалъ попытки завернуться въ платокъ...

Онъ сидѣлъ неподвижно, заложивъ одну руку за бортъ пальто, а другою придерживая платокъ подъ подбородкомъ.

Только нижняя челюсть у него изрѣдка вздрагивала вдругъ и опять замирала.

Помолчавъ минуту, Осипъ кашлянулъ и сказалъ:

— Нѣтъ, нѣту; вотъ трактиръ былъ — закрыли.

— И постоялаго двора нѣту? — спросилъ сѣдокъ.

— Нѣту.

— А лавки?

— И лавки нѣту. Зачѣмъ намъ лавка!

Осипъ опять кашлянулъ и завозился подъ своей свитой.

И потому, какъ онъ кашлянулъ, сѣдокъ догадался, или все равно ему такъ показалось, — что Осипъ хочетъ продолжать разговоръ.

— А что же у васъ есть? — спросилъ онъ.

— Есть... Есть у насъ...

И при этомъ Осипъ повернулся на спину и, полулежа въ ворохѣ соломы, настланной въ передкѣ саней, расправилъ нѣсколько болѣе, чѣмъ раньше, углы воротника.

— Есть у насъ мельница.

Сказавъ это, онъ замолчалъ.

Сѣдокъ молчалъ тоже.

Лошадь бѣжала быстро.

Полозья саней громко скрипѣли визжащимъ скрипомъ по мерзлому снѣгу.

Осипъ не завертывался въ свою свиту, не ворочался въ соломѣ, и сѣдокъ чувствовалъ, что онъ ждетъ отъ него какого-нибудь слова, какого-нибудь замѣчанія.

Но сѣдокомъ теперь владѣла только одна мысль, одно настроеніе:

„Какъ холодно! Господи, какъ холодно!“

И онъ сказалъ или, что вѣрнѣе, у него только сорвалось съ губъ больше по инерціи, почти независимо отъ сознанія:

— А еще что у васъ есть?

— А еще...

Осипъ секунду подумалъ.

— Еще есть купальня. Одна барыня выстроила, наша, тутошняя; на пруду, бѣлая съ зелеными полосками.

— А скоро твоя хата? — вдругъ спросилъ сѣдокъ.

Онъ не слушалъ, что говоритъ ему Осипъ; онъ слышалъ только звукъ его словъ, но этотъ звукъ раздался въ его ушахъ, какъ нѣчто совсѣмъ постороннее...

Какъ скрипъ полозьевъ, какъ всякій другой звукъ.

Слова только коснулись уха и не достигли сознанія, и онъ сейчасъ же забылъ про нихъ, какъ только они умолкли...

Какъ будто онъ ихъ совсѣмъ не слышалъ.

— Хата моя, — сказалъ Осипъ, оперся рукой въ дно саней и, повернувшись лицомъ къ лошади, глянулъ вдоль улицы, — вотъ какъ проѣдемъ мостъ, тутъ будетъ выгонъ, а за

выгономъ ракитникъ, а тамъ и моя хата... скоро. Но ты, ишь! — крикнулъ онъ на лошадь, приподнялся въ саняхъ, сталъ на колѣнки и, подобравъ вожжи, вытащилъ изъ-подъ соломы кнутъ.

Онъ махнулъ кнутомъ въ воздухъ, чмокнулъ губами и, опять сунувъ кнутъ въ солому, взялъ вожжи въ обѣ руки.

— Но! — крикнулъ онъ опять, — эхъ, ты! И шлепнулъ лошадь по боку вожжой.

Лошадь пошла рысью. Вожжи натянулись. Изъ-подъ копытъ лошади въ сани полетѣли комья снѣга.

Осипъ стоялъ на колѣняхъ, теперь вытянувъ руки во всю длину, и подбадривалъ лошадь крикомъ.

— Теперь скоро! — не оборачиваясь сказалъ онъ сѣдоку и крикнулъ встрѣчному мужику, появившемуся вдругъ на поворотѣ дороги:

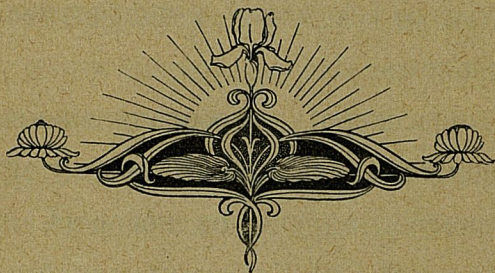
— Петруся! Эй! Держи къ одной.

Мужикъ тащилъ салазки съ какою-то кладью.

Онъ остановился съ краю дороги и широко усмѣхнулся.

Но мужикъ улыбался Осипу, не глядя на него: онъ смотрѣлъ на Осипова сѣдока, и улыбались только его губы, заросшія густыми усами и густой круглой бородой, закрывавшей половину лица, а въ глазахъ, обращенныхъ на сѣдока, было одно только любопытство.

И онъ долго не двигался съ мѣста и смотрѣлъ вслѣдъ убѣгавшимъ санямъ съ неподвижной въ нихъ фігурой въ круглой суконной шапочкѣ и клѣтчатою раздуваемомъ вѣтромъ платкѣ.

ГЛАВА II.

СИПОВЪ СЪДОКЪ БЫЛЪ „ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ“.

Еще давно, лѣтъ десять тому назадъ, ему попалась на глаза въ губернскомъ городѣ, на главной улицѣ, вывѣска: *Оптикѣ и механикѣ Скворцовѣ. Принимаю въ починку часы, очки, бинокли, музыкальные инструменты и прочіе предметы.*

Послѣ того онъ тоже сталъ называть себя „оптикомъ и механикомъ“.

Онъ тоже починялъ часы, очки, бинокли и музыкальные инструменты.

Возвратившись изъ губернскаго города, онъ стащилъ съ чердака валявшуюся тамъ крышку

съ разломаннаго стола, загрузовалъ ее бѣлою краской, а по бѣлому написалъ чернымъ:

Оптикъ и механикъ

А. Н. Петровъ.

Принимаю въ починку часы, очки, бинокли, музыкальные инструменты и прочіе предметы.

Совсѣмъ какъ въ губернскомъ городѣ...

Въ уѣздномъ городишкѣ, гдѣ жилъ Петровъ, конечно, не могло быть много работы, но Петровъ кое-какъ существовалъ.

Самый большой доходъ давали ему карманные часы.

Карманные часы были у всѣхъ лавочниковъ, у всѣхъ чиновниковъ и у всѣхъ почти городскихъ и сторожей.

И почти всѣ часы, сколько ихъ ни было въ городѣ, не миновали рукъ Петрова.

Петровъ, кромѣ того, что чинилъ часы, умѣлъ еще ихъ серебрить и золотить при помощи какого-то особаго порошка, изготавлиемаго имъ самимъ...

И часы выходили изъ его мастерской не только вылѣченными отъ всѣхъ своихъ недуговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно помолодѣвшими и прифранченными, — съ отчищенными заново брелоками и цѣпочками.

Карманные часы создали славу Петрову.

Многіе, являясь къ нему съ починкой, спрашивали у него:

— Вы часовой мастеръ?

Но Петровъ возражалъ на это, сунувъ въ карманы своихъ прожженныхъ разными кислотами и выпачканныхъ въ деревянномъ маслѣ брюкъ по большому пальцу каждой руки и оттопыривъ остальные пальцы въ стороны:

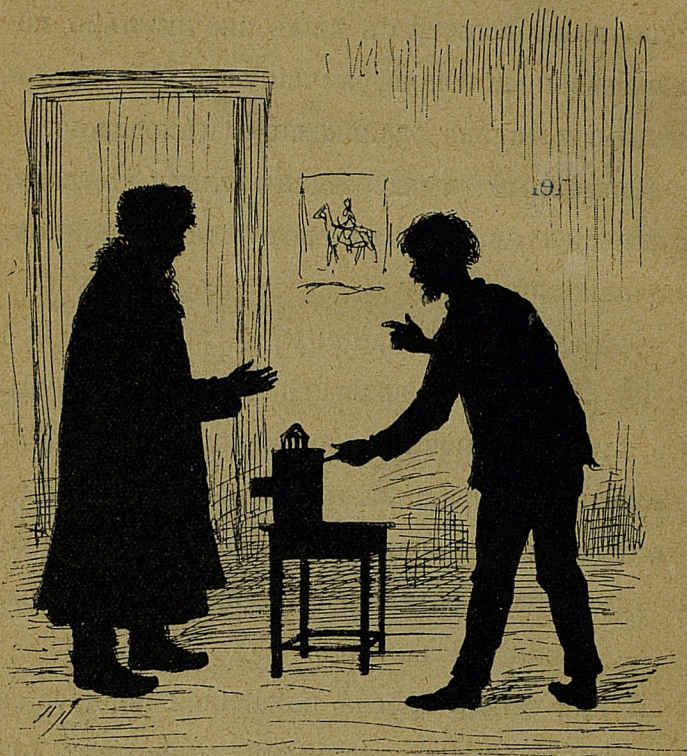
— Извините-съ, нѣтъ.

И при этомъ слегка подавался корпусомъ впередъ, а затѣмъ плавнымъ движеніемъ откидывался назадъ и чуть-чуть запрокидывалъ вихрастую съ налѣзавшими на глаза волосами голову.

— Я оптикъ и механикъ.

И онъ улыбался очень любезно тонкой и

долгой улыбкой, глядя прямо въ глаза казчику, а потомъ пригibalъ голову къ д

вому плечу и подтверждалъ еще разъ, продолжая улыбаться все такъ же любезно:

— Да-съ...

Ему, очевидно, нравилось больше, чтобы его называли оптикомъ и механикомъ.

Однажды къ нему въ мастерскую вошелъ ложилой господинъ въ шубѣ и поставилъ на прилавокъ большой кубическій ящикъ, перевязанный веревкой.

Отвернувъ воротникъ, шубы и выпроставъ заправленную внизъ подъ воротникъ длинную сѣдую бороду, господинъ сказалъ, уставившись на Петрова маленькими круглыми сѣрыми глазками:

— Вы можете это сдѣлать?

Лицо у господина было тоже круглое и круглыя же красныя щеки. Когда онъ говорилъ, щеки у него чуть-чуть вздрагивали.

Потомъ господинъ зажевалъ челюстями и отдышался:

— Уф-ффу.

Потомъ еще шире распахнулъ шубу и сталъ развязывать бичевку на ящикѣ.

Въ ящикѣ оказался волшебный фонарь.

Господинъ не зналъ, что сломалось въ фонарѣ, и привезъ его къ Петрову со всѣми принадлежностями: съ керосиновой лампоч-

кой, съ линзами, съ рефлексоромъ и картинками.

Петровъ принялся осматривать фонарь, а господинъ въ это время ходилъ взадъ и впередъ по мастерской. Онъ былъ въ большихъ кожаныхъ калошахъ-ботикахъ. Къ калошамъ прилипъ снѣгъ, снѣгъ таялъ понемногу, и отъ калошъ, на некрашенномъ давно немытомъ полу, оставались слѣды большіе безобразные — словно по полу ходилъ не человекъ, а медвѣдь съ мокрыми лапами.

На усахъ у господина намерзли сосульки. Немного нагнувшись и качнувъ голову, господинъ короткими толстыми бѣлыми пальцами сколупывалъ съ усовъ сосульки, полуоткрывъ и скрививъ ротъ и прищуливъ одинъ глазъ. Въ другомъ его глазу, окруженномъ мелкими морщинками, попеременно изображалось то выраженіе боли, когда сосулька трудно отдѣлялась отъ волосъ, или волосы вырывались неожиданно отъ неловкаго движенія съ корнемъ, то выраженіе облегченія.

— Могу-съ, — сказалъ Петровъ.

Господинъ остановился.

— А? — произнесъ онъ какъ-то немного въ носъ однимъ угломъ рта, отвѣсивъ пухлую нижнюю губу и глядя на Петрова снизу вверхъ исподлобья и нѣсколько вкось.

Онъ все продолжалъ ковырять по усамъ пальцами то такъ, то этакъ, то зажимая волосы между ногтями, то просто скребя ногтемъ сверху по сосулькамъ.

Попрежнему одинъ глазъ у него былъ прищуренъ. Только теперь онъ чуть-чуть пріоткрылъ вѣки. Краешекъ чернаго значка блеснулъ въ прорѣзѣ вѣкъ.

— Сдѣлаю-съ, — опять сказалъ Петровъ.

— А, сдѣлаете?

Петровъ предполагалъ, что господинъ отдаетъ должную дань вниманія и уваженія его познаніямъ въ оптикѣ и механикѣ. Но у господина сейчасъ, кажется, пропалъ всякій интересъ къ фонарю. Во всякомъ случаѣ, было

несомнѣнно, что усы его сейчасъ интересуютъ болѣе, чѣмъ фонарь.

Онъ даже не взглянулъ на фонарь.

Петровъ крикнулъ и замолчалъ.

— Когда сдѣлаете? — спросилъ господинъ.

— Черезъ недѣлю.

— А, черезъ недѣлю...

Оторвавъ отъ волосъ большую сосульку, господинъ медленно разминалъ ее между пальцами. Затѣмъ отряхнулъ ледъ съ пальцевъ и запахнулъ шубу.

— Такъ черезъ недѣлю?

— Да.

— Очень хорошо.

Господинъ поднялъ воротникъ. Воротникъ слегка завернулся сзади. Онъ поправилъ его, вобравъ голову въ плечи и встряхнувъ плечами.

Круглое, красное лицо совсѣмъ утонуло въ глубинѣ воротника.

— Черезъ недѣлю я пришлю мужика или заѣду самъ.

— Слушаю-съ.

Господинъ повернулся спиной къ Петрову и направился къ выходу. У двери онъ остановился.

Петровъ видѣлъ сзади, какъ колыхнулся его воротникъ. Топая неуклюже въ своихъ большихъ калошахъ, господинъ повернулся лицомъ къ притолокѣ и, глядя на Петрова черезъ край воротника, сказалъ:

— Отворите, сдѣлайте милость.

Петровъ вышелъ изъ-за прилавка и отворилъ дверь.

А недѣли черезъ двѣ къ Петрову пріѣхалъ Осипъ.

— Я за машиной, — сказалъ онъ.

— За какой машиной?

Петровъ только мелькомъ взглянулъ на Осипа и, сейчасъ же вытянувъ худую длинную съ кадыкомъ шею, заглянулъ черезъ его плечо въ стекла двери, ведущей изъ мастерской на улицу.

За дверью, сквозь синія ледяные узоры

сплошь покрывавшіе стекла, смутно маячила лошадь и сани.

— За какой машиной? — переспросилъ онъ

— А что Иванъ Петровичъ привозили.

Отведя полу своей длинной почти до полу свиты, Осипъ перегнулся немного на бокъ и сунулъ руку въ карманъ полушубка.

Подъ свиту у него былъ надѣтъ полушубокъ изъ бѣлой недубленой овчины, расшитый по груди синими и красными узорами.

Осипъ вынулъ изъ кармана полушубка бѣлый съ красными городками платокъ, съ завязаннымъ на одномъ изъ уголковъ угломъ, и принялся развязывать узелъ.

— Тутъ записка, — сказалъ онъ, метнувъ глазами на Петрова изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей.

Узелъ былъ затянутъ туго и поддавался плохо. Осипъ поднесъ его ко рту и, подергивая и раскачивая сверху зубами, а снизу ногтемъ, наконецъ, развязалъ.

Въ узелкѣ, дѣйствительно, была записка.

Въ этой запискѣ владѣлецъ волшебнаго фонаря писалъ Петрову, чтобы онъ „немедля“ пріѣзжалъ къ нему въ имѣніе, такъ какъ въ имѣніи ему предстоитъ работа — чинить старые столовые часы, и захватилъ бы кстати и находящійся въ починкѣ фонарь, если фонарь готовъ.

Его и раньше сосѣдніе помѣщики приглашали къ себѣ для какой-нибудь починки по его специальности... На этотъ разъ Петрову предстояло сдѣлать верстъ двадцать. Такъ далеко еще слава о немъ не заходила...

На дворѣ трещалъ морозъ, но онъ все-таки поѣхалъ.

ГЛАВА III.

Когда на столъ подали самоваръ, въ Осиповой хатѣ, жарко натопленной, стало какъ въ банѣ...

Паръ изъ самовара волновался подъ потолкомъ, и все новые клубы пара вырывались изъ-подъ неплотно надвинутой крышки.

Слышно было, какъ клокочетъ вода въ самоварѣ. Отъ ярко разгорѣвшихся углей, на бѣлой скатерти, на столѣ, вокругъ ножекъ самовара, трепеталъ розовый отблескъ.

За дорогу Петровъ такъ намерзъ, что рѣшилъ заночевать у Осипа. Осипъ жилъ верстахъ въ пяти отъ того имѣнія, куда онъ везъ Петрова. Завтра Петровъ намѣревался отправиться дальше уже пѣшкомъ.

Перспектива путешествія на саняхъ въ пятнадцатиградусный морозъ въ легкомъ осеннемъ пальто ему не улыбалась вовсе.

За чаемъ Осипъ сказалъ Петрову:

— А вы не изъ евреевъ будете?

И сейчасъ же Петровъ замѣтилъ, что Осипова жена высунулась изъ-за самовара и вперила въ него прямо ему въ лицо глаза, прищутивъ ихъ и приложивъ къ виску около глаза указательный палецъ правой руки, которую она поставила локтемъ на край стола.

Передъ этимъ только что она откусила кусочекъ сахару Петровъ замѣтилъ также, что она не сосетъ сахаръ, а держитъ его подъ верхней губой, между губой и челюстью.

— Добрые люди, — сказалъ онъ, я — механикъ.

Нижняя губа у Осиповой жены ушла подъ верхнюю, а верхняя, скрывшая совсѣмъ нижнюю, натянулась такъ, что совершенно ясно подъ ней теперь обозначился кусочекъ сахару. Глаза ея медленно широко открылись.

Потомъ она перевела глаза на Осипа.

— Дозвольте-съ, — совершенно неожиданно сказалъ Осипъ, потянувшись рукой къ портсигару, лежавшему около Петрова.

Петровъ подвинулъ ему портсигаръ.

Осипъ закурилъ.

Закуривъ, онъ такъ же совсѣмъ неожиданно сказалъ женѣ:

— Это насчетъ часовъ. Безъ механики насчетъ часовъ нельзя. Потому они и механикъ.

И онъ перевелъ глаза на Петрова.

— Не одни часы, — замѣтилъ Петровъ, — а, напримѣръ, тоже волшебный фонарь. Волшебный фонарь требуетъ оптической механики.

И тутъ онъ, держа папиросу между двумя пальцами, указательнымъ и среднимъ, поставилъ руку противъ себя на столъ, согнувъ ее въ локтѣ, и сунулъ папиросу между зубами, запрокинувъ голову и глядя въ потолокъ. Затѣмъ, также глядя въ потолокъ, пускалъ дымъ сначала сквозь ноздри двумя тонкими струями, а вслѣдъ за тѣмъ сейчасъ же

черезъ губы, сложивъ ихъ воронкой. Дымъ теперь вышелъ у него въ видѣ колечка.

Осипъ придвинулся къ нему поближе и спросилъ:

— Вы какъ сказали... Волшебный?

— Да, волшебный, — отвѣтилъ Петровъ, слѣдя за колечкомъ, волновавшимся надъ его головой и принимавшимъ все большіе размѣры и все болѣе неясныя очертанія.

— Въ первой слышу, — проговорилъ Осипъ и крякнулъ.

Пуская новое колечко дыма и все продолжая смотрѣть въ потолокъ, Петровъ усмѣхнулся полуоткрытымъ ртомъ.

— Говорить въ первой, а самъ же привезъ.

У Осипа на лбу собрались морщины. Онъ ничего не сказалъ Петрову, только остановилъ на немъ неподвижный вопросительный взглядъ.

Не переставая улыбаться, Петровъ поглядѣлъ на него сверху вкось однимъ глазомъ.

— А ты знаешь, что такое есть великая наука оптика? — спросилъ онъ.

Осипъ опять промолчалъ.

— Въ моей власти, — заговорилъ Петровъ, — сдѣлать, что на этой, напримѣръ, печкѣ появится американскій лѣсъ или египетскія пирамиды, или господинъ Фультонъ, изобрѣтатель парохода, или нашъ великій поэтъ Пушкинъ... Все въ этомъ ящикѣ!

И повернувшись, онъ щелкнулъ своимъ крѣпкимъ, какъ кость, желтымъ ногтемъ на указательномъ пальцѣ о край стоявшаго около него на лавкѣ крѣпко-накрѣпко перевязаннаго бичевкой ящика.

— Во! — сказалъ Осипъ, приподнявъ бровь надъ однимъ глазомъ и бросивъ долгій взглядъ на жену. И видно было, что Петровъ и удивилъ его и насмѣшилъ, можетъ-быть. Только онъ скрывалъ, что ему смѣшно.

Затѣмъ онъ во всѣ глаза уставился на Петрова. Онъ глядѣлъ на Петрова, открывъ ротъ, словно собираясь сказать что-то. Будто на

языкъ у него уже было какое-то слово, да онъ вдругъ замѣтилъ въ Петровѣ что-то, чего никакъ не ожидалъ отъ него.

Словно это готовое сорваться съ губъ слово испугалось чего-то и опять ушло назадъ, растаяло, расплылось по губамъ.

— Не вѣришь? — произнесъ Петровъ и сдвинулъ брови.

Опершись рукой о лавку, Осипъ перегнулся за спину Петрова и осторожно потрогалъ ящикъ.

Изъ-за плеча Петрова онъ взглянулъ на жену.

— Говорите, — сказалъ онъ, — Египетъ...

Тряхнувъ головой въ одну сторону, онъ выпрямился и опять сѣлъ, какъ сидѣлъ раньше.

— Египетскія пирамиды, — поправилъ его Петровъ и снова уставился въ потолокъ.

Въ хатѣ стало тихо.

Только самоваръ шумѣлъ слабымъ, точно куда-то вдаль уносящимся шумомъ.

На дворѣ за окномъ что-то громко треснуло.

— Гвозди въ заборѣ, — сказалъ Осипъ женѣ, остановивъ на ней глаза. Онъ словно успокоивалъ жену, словно предполагалъ, что этотъ неожиданный трескъ можетъ быть понять ею не такъ, какъ нужно.

Онъ видѣлъ, какъ она вздрогнула.

— Охъ, Господи, Господи!

Она перекрестилась.

А Петровъ все смотрѣлъ въ потолокъ.

— И это не волшебство, — раздался снова, наконецъ, его голосъ, — это — наука. Силой науки я могу вызвать изъ этого ящика всевозможныя видѣнья...

Лицо его было въ тѣни.

Оно казалось сѣрымъ; только на острый бритый подбородокъ падалъ свѣтъ съ боку отъ лампочки, стоявшей въ устьѣ печки.

Какія-то особыя нотки были теперь въ его голосѣ. Точно онъ хотѣлъ говорить громко, громче, чѣмъ обыкновенно — и не могъ. Слова будто вспыхивали и обрывались. Онъ даже чуть-чуть заикался.

— О, ты еще не знаешь, Осипъ! Все можно! Можно сдѣлать такъ, что мѣдъ будетъ какъ серебро, а серебро какъ золото. Можно трехъ-этажный домъ перевезти съ мѣста на мѣсто. Если бы мнѣ въ Императорскую публичную библіотеку, то я все узналъ бы. А то у насъ тутъ какія книги? Одни календари.

Осипъ слушалъ его молча.

Сначала онъ смотрѣлъ ему въ лицо, а потомъ ему вдругъ стало почему-то страшно этого лица, — худого, сѣраго, длиннаго и узкаго, съ впалыми щеками и вихрастыми рѣдкими взъерошенными волосами.

Онъ опустилъ голову, приподнялъ плечи и, прислонившись къ стѣнкѣ спиною, сложилъ на животѣ руки, переплетя пальцы.

Смотрѣлъ онъ упорно внизъ на свои руки.

Нѣсколько разъ на него взглядывала его жена, и онъ чувствовалъ на себѣ ея взглядъ.

Но онъ все равно не поднималъ головы.

— Осипъ! — окликнулъ его Петровъ.

Осипъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

Вотъ онъ, этотъ механикъ, худой, узкоплечій съ длинной морщинистой, какъ у старухи, шеей, съ длиннымъ острымъ носомъ.

— У тебя есть скатерть?

Осипъ растерянно поглядѣлъ на него.

— Есть скатерть? — повторилъ Петровъ.

— Есть.

— Бѣлая?

Осипъ всталъ съ лавки.

— Да зачѣмъ вамъ скатерть?

Все такъ же растерянно взглянулъ онъ на жену.

— Гмъ, — сказалъ Петровъ, — тогда я и безъ скатерти...

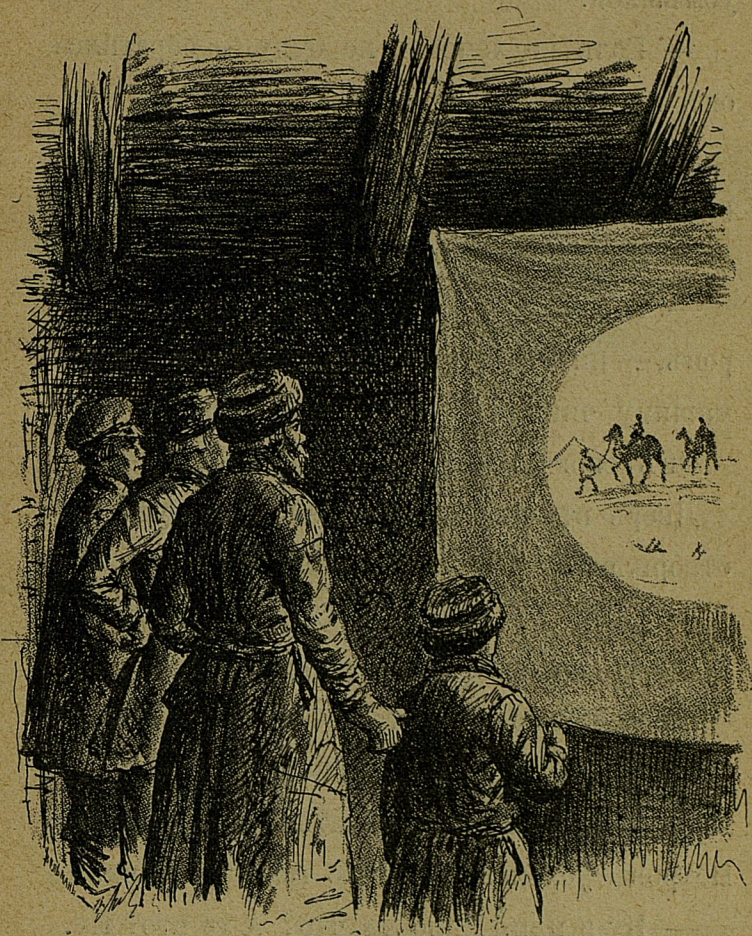
И отвернувшись, онъ придвинулъ къ себѣ свой волшебный ящикъ съ египетскими пирамидами, американскими лѣсами и Фультономъ.

Въ ту же минуту Осипова жена поднялась, накинула на себя тулупъ и вышла изъ хаты, громко стукнувъ дверью.

Петровъ поднялъ голову.

— Что она?

Онъ сдѣлалъ большіе глаза. И сейчасъ же,

точно сообразивъ, что случилось съ Осиповой
женой, закачалъ головой и усмѣхнулся, какъ

раньше, полуоткрывъ ротъ, немного кривой усмѣшкой.

— Если не хочешь, не буду, — обратился онъ къ Осипу.

Стоя посреди хаты и теребя кончикъ бороды, Осипъ отвѣтилъ нерѣшительно:

— Нѣтъ, что же...

— Говори же, — быстро проговорилъ Петровъ, — ничего тутъ такого! Вѣдь я же эту машину чинилъ барину...

Онъ снова принялся за ящикъ.

Дверь въ хату изъ сѣней чуть-чуть приотворилась.

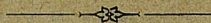
— Осипъ! — крикнула Осипова жена.

Осипъ подошелъ къ двери.

Жена что-то зашептала ему торопливо съ присвистомъ, но что, именно, она шептала Осипу, трудно было разобрать. Секунду спустя, Петровъ услышалъ только голосъ Осипа.

— Ну и иди. Мало ли что? А то что? Ну...

И вслѣдъ за тѣмъ онъ хлопнулъ дверью.

ГЛАВА IV.

Это видѣла вся деревня...

Въ старомъ заброшенномъ сараѣ, гдѣ раньше сушились кирпичи, совершались чудеса.

Въ Осиповой хатѣ туманныя картины всѣмъ не произвели того эффе́кта, какого ожидалъ отъ нихъ Петровъ.

А ему самому, именно послѣ этой неудачи, захотѣлось насладиться полнымъ эффе́ктомъ. Ему, кромѣ того, вдругъ стало даже обидно за „великую“ науку оптику.

Онъ хотѣлъ, чтобы она явилась во всемъ величіи передъ Осипомъ.

А то еще Осипъ, пожалуй, станетъ смѣяться.

А чѣмъ виновата наука, что ее заперли въ тѣсную хату!

Ей нуженъ просторъ.

И онъ сказалъ Осипу:

— Осипъ, я видѣлъ, когда мы ѣхали, тутъ, на краю кирпичный сарай.

— Какъ же, есть, — сказалъ Осипъ.

И они перешли въ сарай.

Тамъ механикъ показалъ во всѣхъ подробностяхъ картины волшебнаго фонаря.

Фультонъ, пирамиды, дѣвственные лѣса Америки, стремнины, горы, упирающіяся, съ снѣжными вершинами, въ облака, великій поэтъ съ вдохновеннымъ лицомъ...

Картина смѣняла картину.

На пяти сшитыхъ наскоро скатертяхъ въ свѣтломъ, бѣломъ, какъ мыло, кругѣ плескались синія волны, серебряный мѣсяцъ плылъ по синему небу, бѣжали облака. Грозили мечами призраки давно отслужившихъ временъ.

Жалкій, грязный сарай превратился въ волшебный дворецъ.

Но въ этотъ дворецъ, кромѣ Петрова, рѣшились войти только двое или четверо смѣльчаковъ...

Остальные, затаивъ дыханіе, смотрѣли сквозь щели.

Дрожащимъ отъ холода тоненькимъ голоскомъ Петровъ выкрикивалъ:

— Дворецъ дождей въ Венеціи. Битва при Калкѣ. Фультонъ, изобрѣтатель парохода.

Ему было холодно въ этомъ старенькомъ осеннемъ пальто, въ занесенномъ снѣгомъ сараѣ, но онъ дрожалъ не только отъ холода, но страшнаго нервнаго состоянія, вдругъ его охватившаго.

Словно крылья у него вдругъ выросли и подняли высоко надъ толпой.

Точно что-то билось и громко кричало въ душѣ и рвалось наружу.

Смотрите, смотрите!

О, великая наука — оптика...

Никогда онъ не испытывалъ такого насла-

жденія, такого подъема всѣхъ силъ душевныхъ...

Правда, Осипова жена, стоя сзади всѣхъ, закрывала глаза всякій разъ, какъ на экранѣ появлялась новая картина, и, присѣдая, кричала:

— Ой, Осипъ, ой, гляди, Осипъ!

И потомъ теребя сосѣдей, спрашивала снизу:

— Что прошло?...

И медленно выпрямлялась, чтобы снова присѣсть и снова призывать Осипа...

Правда, многіе не хуже Осиповой жены выкрикивали то тамъ, то тутъ какъ-то надорванно:

— Будетъ, будетъ...

Но это мало смущало Петрова.

Онъ продолжалъ дѣлать свое дѣло...

— Взятіе Казани! Церковь Василия Блаженнаго въ Москвѣ! Аллигаторы! Птица-баба...

Наконецъ, всѣ картины были показаны.

Онъ собралъ фонарь, загасилъ лампу и сказалъ Осипу:

— Пойдемъ, Осипъ.

Но его остановили у выхода.

— Баринъ!

— Ну?

— А это что жъ такое?

— Волшебный фонарь, — отвѣтилъ онъ гордо.

— То-есть какъ волшебный?... Обыкновенно волшебный, какъ въ городѣ, въ училищѣ, или какъ?...

Оказалось, что многимъ волшебный фонарь уже извѣстенъ.

— Обыкновенный, конечно, — отвѣтилъ онъ.

— То-то... А то Осипова жена говорить: уперся въ потолокъ, говорить, самъ смотреть, а самъ ворожить.

Потомъ онъ слышалъ, за спиной, какъ оправдывалась Осипова жена.

— А я почему знаю... Шея длинная, самъ черный... Бормочетъ, а что не поймешь.

Деревня была глухая, — настоящій медвѣжій уголь...

.....

Дня черезъ два Петровъ возвращался пѣшкомъ отъ помѣщика.

Онъ снесъ ему фонарь, починилъ часы, и теперь чувствовалъ себя легко и весело даже на морозѣ.

Онъ проходилъ мимо того самаго сарая, гдѣ еще недавно пережилъ столько прекрасныхъ минутъ.

У входа въ сарай онъ замѣтилъ двѣ маленькія человѣческія фигурки.

Быль уже вечеръ, и фигурки, стоявшія неподвижно, различались смутно и неясно между сугробомъ, какъ двѣ скопы соломы, занесенныя снѣгомъ...

И если бы не сдержанный разговоръ вполголоса, Петровъ прошелъ бы мимо, не обративъ вниманія.

Онъ остановился.

Но онъ не остановился, можетъ-быть, если бы

одно слово изъ этого разговора вполголоса вдругъ не толкнуло его въ грудь.

— Оптико...

Петровъ точно споткнулся объ это слово. Словно оно попало къ ему на дорогѣ, какъ примерзшій на землѣ камень.

— Говорятъ, это колдовство...

— Что жъ, и колдуны бываютъ добрые...

— Онъ, должно, добрый...

— Добрый...

Мальчишки замолчали.

Потомъ Петровъ услышалъ шопотъ тихій, какъ шелестъ листьевъ:

— Глядь...

Опять стало тихо. Потомъ опять шопотъ:

— Начинается...

— Чтой-то?...

Шопоть замеръ, и, казалось въ шопоть, замерло ожиданіе чего-то необыкновеннаго, непонятнаго, таинственнаго, и какая тревога и вмѣстѣ восторженность передъ этимъ таинственнымъ и непонятнымъ...

Мальчишки чуть-чуть подались назадъ. Они словно увидѣли что-то въ сараѣ,— словно шло что-то имъ навстрѣчу изъ сарая.

— Церковь...

— И то... Нѣтъ... Гляди, гляди... Корабль плыветъ...

Петровъ заглянулъ подъ крышу сарая.

На переметѣ въ глубинѣ сарая бѣлѣла не то простыня, не то скатерть...

Опять онъ услышалъ шопоть:

— Корабль?

— Нѣтъ, пропало.

Петровъ вышелъ изъ своей засады.

Мальчишки, увидѣвъ его, даже не крикнувъ, прямо черезъ сугробы бросились къ хатамъ, протянувъ передъ собою руки.

Петровъ видѣлъ, какъ они спотыкались,

падали, зарываясь въ снѣгъ по самыя локти, поднимались, опять бѣжали, опять падали.

Отъ Осипа, который подрядился его свезти въ городъ, онъ узналъ, что по деревнѣ, среди мальчишекъ, прошелъ слухъ, будто въ кирпичномъ сараѣ, послѣ того какъ Петровъ показывалъ тамъ картины, въ лунныя ночи эти картины показываются все равно сами собой, хоть Петровъ и унесъ ихъ въ своемъ ящикѣ.

У Петрова сжалось сердце.

— О, Господи...

Закусивъ губу, онъ посмотрѣлъ въ лицо Осипу тоскливымъ, будто плачущимъ взглядомъ...

— Да это имъ, конечно, только такъ представляется, — сказалъ Осипъ.

Петровъ скрипнулъ зубами... Онъ чувствовалъ, какъ въ груди у него вдругъ забунтовало, зашумѣло что-то, и потомъ словно разорвалось и расплылось слезами.

Въ городъ онъ вернулся угрюмый и молчаливый.

Иногда, вечеромъ, лежа у себя въ комнатѣ на кровати, въ ожиданіи, пока окончательно стемнѣетъ, чтобы можно зажечь лампу, онъ вдругъ, какъ тогда передъ Осипомъ, произносилъ:

— О, Господи...

И кусалъ губы, потому что опять чувствовалъ, какъ тогда же, что на сердцѣ закипаютъ слезы.

Онъ вскакивалъ и останавливался передъ мерзлымъ окномъ.

— А вѣдь, небойсь, сейчасъ притаились и ждутъ... Ждутъ...

И ему слышится шопотъ:

— Корабль плыветъ...

— Глади, глади...

Со всѣми подробностями онъ помнилъ тотъ вечеръ... Неоглядная снѣжная степь, сугробы, сарай... Луна подымается изъ-за горизонта... И двѣ эти темныя фигурки съ синими тѣнями поперекъ сугроба...

Скоро Петровъ исчезъ изъ города.

Онъ разъѣзжаетъ теперь съ Осипомъ, а иногда ходитъ и пѣшкомъ съ волшебнымъ фонаремъ изъ деревни въ деревню. Впрочемъ, эта новая жизнь его не измѣнила ни на капельку. Онъ остался тѣмъ же оптикомъ и механикомъ Петровымъ.

Когда у него спрашиваютъ, какая собственно его профессія, онъ не безъ гордости отвѣчаетъ обыкновенно:

— Я оптикъ и механикъ, но по случайностямъ судьбы сталъ теперь странствующимъ артистомъ.

Нужно сказать еще, что волшебный фонарь онъ смастерилъ самъ и только прикупилъ къ нему картинъ.

Матеріально положеніе его не ухудшилось и не улучшилось. Онъ, разумѣется, не можетъ показывать картины бесплатно... Но беретъ онъ не деньгами, а натурой: яйцами, крупой — чѣмъ придется...

Путешествуетъ онъ все въ томъ же пледѣ и осеннемъ пальто, въ которомъ мы встрѣтили его въ началѣ этой повѣсти.

Помните, читатель, какой тогда былъ холодище?...

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЯ

И. П. ГАЙГАРОВА.

Васинъ, Н. А. „Дальній Востокъ“. Ц. 10 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущенъ въ бесплатныя нар. читальни и библіотеки и для чтеній въ нар. аудиторіяхъ.

Васинъ, Н. А. „Изъ далекихъ вѣковъ“. Двѣ леген. Ц. 30 к.

Васинъ, Н. А. „Отголоски войны“. Два разсказа. Ц. 30 к.

Добронравовъ, Н. Е. „Маленькій осликъ“. Разск. Ц. 20 к.

Добронравовъ, Н. Е. и Литвиненко, П. Е. „Даръ Божій“. Два разсказа. Ц. 20 к.

Діатроптовъ, Е. Н. „Животныя на войнѣ“. Очерки. Ц. 25 к.

Діатроптовъ, Е. Н. „Война подъ водою“. Очеркъ. Ц. 20 к.

Діатроптовъ, Е. Н. „Изъ жизни ласточекъ“. Разск. Ц. 30 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. „Подъ Свѣтлую ночь“. Два разсказа. Ц. 25 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. „Чародѣй“. Разсказъ. Ц. 30 к.

Поль, А. С. „Веселая елка“. Разсказъ. Ц. 30 к.

Поль, А. С. „Жемчужина“. Сказка. Ц. 30 к.

Черскій, Л. Ѳ. „Трудолюбивая дѣвочка“. Разсказъ. Ц. 25 к.

Черскій, Л. Ѳ. „Добрые люди“. Разсказъ. Ц. 25 к.

Черскій, Л. Ѳ. „Подарокъ моря“. Два разсказа. Ц. 30 к.

Всѣ книжки съ рисунками.

На складѣ имѣются изданія „Книгоиздательства для дѣтей“.

Архангельская, М. В. „О чемъ щебетали ласточки“. Два разсказа. Ц. 25 к.

Литвиненко, П. Е. „Волки“. Разсказъ. 2-е изданіе. Ц. 30 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія допущенъ въ бесплатныя нар. библіотеки и читальни. № 13391.

Литвиненко, П. Е. „За вольной птичкой“. Разсказъ. Ц. 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущенъ въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. № 24190.

Литвиненко, П. Е. „Среди животныхъ“. 20 разск. Ц. 50 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. „Дроздъ-гитаристъ“. Разск. Ц. 30 к.

Всѣ книжки съ рисунками.

Складъ изданія: Москва, Тверская, д. Олсуфьева.

Книги имѣются во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

74101

ИЗДАНІЯ

И. П. ГАЙГАРОВА.

Васинъ, Н. А. „Дальній Востокъ“. Ц. 10 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущенъ въ бесплатныя нар. читальни и библіотеки и для чтеній въ нар. аудиторіяхъ.

Васинъ, Н. А. „Изъ далекихъ вѣковъ“. Двѣ леген. Ц. 30 к.

Васинъ, Н. А. „Отголоски войны“. Два разсказа. Ц. 30 к.

Добронравовъ, Н. Е. „Маленькій осликъ“. Разск. Ц. 20 к.

Добронравовъ, Н. Е. и Литвиненко, П. Е. „Даръ Божій“.

Два разсказа. Ц. 20 к.

Діатроптовъ, Е. Н. „Животныя на войнѣ“. Очерки. Ц. 25 к.

Діатроптовъ, Е. Н. „Война подъ водою“. Очеркъ. Ц. 20 к.

Діатроптовъ, Е. Н. „Изъ жизни ласточекъ“. Разск. Ц. 30 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. „Подъ Свѣтлую ночь“. Два разсказа. Ц. 25 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. „Чародѣй“. Разсказъ. Ц. 30 к.

Поль, А. С. „Веселая елка“. Разсказъ. Ц. 30 к.

Поль, А. С. „Жемчужина“. Сказка. Ц. 30 к.

Черскій, Л. О. „Трудолюбивая дѣвочка“. Разсказъ. Ц. 25 к.

Черскій, Л. О. „Добрые люди“. Разсказъ. Ц. 25 к.

Черскій, Л. О. „Подарокъ моря“. Два разсказа. Ц. 30 к.

Всѣ книжки съ рисунками.

На складѣ имѣются изданія „Книгоиздательства для дѣтей“.

Архангельская, М. В. „О чемъ щебетали ласточки“. Два разсказа. Ц. 25 к.

Литвиненко, П. Е. „Волки“. Разсказъ. 2-е изданіе. Ц. 30 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія допущенъ въ бесплатныя нар. библіотеки и читальни. № 13391.

Литвиненко, П. Е. „За вольной птичкой“. Разсказъ. Ц. 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущенъ въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. № 24190.

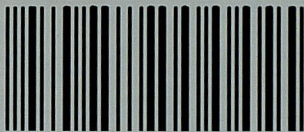
Литвиненко, П. Е. „Среди животныхъ“. 20 разск. Ц. 50 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. „Дроздъ-гитаристъ“. Разск. Ц. 30 к.

Всѣ книжки съ рисунками.

Складъ изданія: Москва, Тверская, д. Олсуфьева.

Книги имѣются во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.

2007088892